

Владимир Орлов. Альтист Данилов

...

Звали его Валентин Сергеевич, он носил пенсне на платиновой цепочке, в разговоре, удивляясь каким-либо словам собеседника, например о том, что рыба протоперус, выйдя из аквариума, может зарезать среднюю кошку, откидывал, голову назад и произносил пронзительно: "Це! Це! Це! Це!" Старожилы Валентину Сергеевичу указывали на то, что приходиться в собрание должно в клубном кафтане, а не в немодной куртке, но Валентин Сергеевич будто бы этих слов не слышал, и разговоры про его куртку затихли.

Валентин Сергеевич оказался егозой. Мелким скоком он перебежал от одной компании к другой, играя в карты или шашки, все время ерзал и смущал противника напористым своим: "Це! Це! Це! Це!" Да и вообще садиться с ним за стол или за доску выходило делом скверным, все он выигрывал. История жизни Валентина Сергеевича останкинским старожилам была неизвестна, выяснили только из личного дела, что новичок раньше служил где-то возле Колхозной площади. А там был дом Брюса. Генерал-фельдмаршал Петра Великого Брюс Яков Вилимович числился же, как известно, чернокнижником и алхимиком, у него и в июльскую жару гости катались на коньках, а запахи и флюиды от Брюсовых тиглей и посуды могли протушить на долгие века ближайшие к его дому кварталы. Как бы и от Валентина Сергеевича не пришлось увидеть странностей. А вдруг чего и похуже. Может, и цепочка-то к пенсне досталась Валентину Сергеевичу от тех алхимий. Призадумались на Аргуновской умные головы. Неспроста, решили, появился Валентин Сергеевич в их мирном собрании.

Данилов долго не ходил в собрание домовых, ему хватало людских забот. Но однажды зашел и сразу почувствовал, что между ним и Валентином Сергеевичем возникла некая связь. "А ведь он имеет что-то ко мне", - сказал себе Данилов. Он не подходил к Валентину Сергеевичу, полагая, что тот сам не выдержит и обнаружит себя. Но Валентин Сергеевич, видно, был натурой терпеливой и волевой, а может, и не сам он управлял своими поступками. Он вертелся, скакал недалеко от Данилова, но к Данилову будто бы приблизиться не смел, как титулярный советник к генеральской дочери. Однако в его взгляде Данилов иногда замечал и уверенность в себе, и чуть ли не сознание превосходства. "Экий гусь!" - думал Данилов. Теперь он уже считал, что Георгию Николаевичу указал на дверь не зря. Теперь, пожалуй, Данилов был сердит, и не то чтобы азарт, а некое будоражащее душу ожидание приключения поселилось в нем.

Наконец Валентин Сергеевич подошел к нему, предложил сыграть в шахматы. "А то меня почему-то все стали побаиваться..." - сказал он, как бы смущаясь. Данилов сел с ним за стол и скоро понял, что игрок Валентин Сергеевич - сильный. Данилов даже засомневался: играть ли ему против Валентина Сергеевича в силу домового или взять разрядом выше. И все же он решил играть в силу домового, посчитав, что иначе они с Валентином Сергеевичем будут не на равных. Но ходов через десять Данилов понял, что Валентин Сергеевич может выступать и лигой выше. Данилов поднял голову и посмотрел на соперника внимательно. Стеклашки пенсне Валентина Сергеевича излучали удивительный зеленоватый свет, отчего в голове у Данилова начиналось выпадение мыслей. "Ах вот ты как! - подумал он. - Да тебе эдак против Фишера играть... А я вот против твоих световых фокусов включу контрсистему..." Он включил контрсистему и двинул белопольного слона вперед.

Раздался электрический треск, Валентин Сергеевич запрыгал на стуле, ладонями застучал по краю стола, и Данилов понял, что поставит мат ястребу останкинских шахматных досок на тридцать шестом ходу.

- Здесь принято играть в силу домовых, - сказал Данилов. - Нарушение вами правил может быть превратно истолковано.

- Вы... вы! - нервно заговорил Валентин Сергеевич. - Вы только и можете играть в шахматы и на альте. Да и то оттого, что купили за три тысячи хороший инструмент Альбани. С плохим инструментом вас бы из театра-то выгнали!.. А на виоль д'амур хотите играть, да у вас не

выходит!..

Данилов улыбнулся. Все-таки вывел Валентина Сергеевича из себя. Но тут же и нахмурился. Какая наглость со стороны Валентина Сергеевича хоть бы и мизинцем касаться запретных для него людских дел!

- Что вы понимаете в виоль д'амур! - сказал Данилов. - И не можете вы говорить о том, чего вы не знаете и о чем не имеете права говорить.

- Значит, имею! - взвизгнул Валентин Сергеевич.

Он тут же обернулся, но домовые давно уже забились в углы невеселой нынче залы, давая понять, что они и знать не знают о беседе Данилова и Валентина Сергеевича.

- Вы нервничаете, - сказал Данилов. - Так вы получите мат раньше, чем заслуживаете по игре.

Он и сам сидел злой. "Стало быть, только из-за хорошего инструмента меня и держат при музыке, думал, и виоль д'амур, стало быть, меня не слушается, ах ты, негодяй!" Но на вид был спокойный.

- Значит, вы сочувствующий Георгию Николаевичу, - сказал Данилов, забирая белую пешку.

- Не угадали, Владимир Алексеевич! - рассмеялся Валентин Сергеевич. - Известно, что вы легкомысленный, но уж тут-то могли бы понять... Что нам с вами Георгий Николаевич? Он - правильный домовой. Но он мелочь, так, тьфу! Заболел, ну и пусть болеет. Из-за другого к вам интерес! Если это можно назвать интересом...

- А вы-то что суетитесь?

- Я давно о вас слышал. Раздражаете вы меня. Мучаете. Невысокий вы рангом, да и незаконный родом, а позволяете себе такое... Я о вас слушал и чуть ли не плакал. "Да и есть ли порядок?" - думал.

- Ну и как, есть?

- Есть, Владимир Алексеевич, есть! Вот он!

И тут Валентин Сергеевич чуть ли не к лицу Данилова поднес руку, разжал пальцы, и на его ладони Данилов увидел прямоугольник лаковой бумаги, похожий на визитную карточку, с маленькими, но красивыми словами, отпечатанными типографским способом. Прямоугольник был повесткой, и Данилов ее взял.

- Прямо как пираты, - сказал Данилов. - Еще бы нарисовали череп с костями, и была бы черная метка.

- Не в последний ли раз вы смеетесь?

- А вы что, карателем, что ли, сюда прибыли?

- Нет, - словно бы испугавшись чего-то, быстро сказал Валентин Сергеевич. - Я - курьер.

- Вот и знайте свое место, - сказал Данилов.

- Какой вы высокомерный! - снова взвизгнул Валентин Сергеевич. - Я личность, может, и маленькая, но я при исполнении служебных обязанностей, да и вам ли нынче кому-либо дерзить! Вам ведь назначено время "Ч"!

Багровыми знаками проступило на лаковом прямоугольнике объявление времени "Ч", и Данилову, как он ни хабрился, стало не по себе. "Но, наверное, это не сегодня, и не завтра, и даже не через месяц!" - успокаивал он себя, глядя на повестку. Однако не было в нем уже прежней беспечности.

- Ваш ход, - сказал Валентин Сергеевич.

- Да, да, - спохватился Данилов.

Он поглядел на доску и увидел, что у Валентина Сергеевича слева появилась ладья, какую он, Данилов, семью ходами раньше взял. Он взглянул на записи ходов и там обнаружил собственным его почерком сделанную запись хода, совершенно не имевшего места в действительности, но оставлявшего ладью белых на доске. Данилов забыл о повестке, стерпеть такое жульничество он не мог! Испепелить он готов был этого ловкача, осмелевшего от служебной удачи! Но тут Данилов на мгновение вспомнил о пожаре в Планерской и эпидемии гриппа, подумал, что Валентин Сергеевич, может быть, нарочно вызывает его на скандал, и употребил по отношению к чувствам власть. Не то вдоль Аргуновской улицы тянулись бы теперь черные и пустые места с обугленными пнями. Лукавая мысль явилась к Данилову: "А дай-ка я

ему еще и слона отдам, просто так, - решил он, - а там посмотрим..." Валентин Сергеевич схватил с жадностью подставленного ему слона, как троллейбусная касса медную монету. Но тут же он спохватился, поглядел на Данилова растерянно и жалко, захлопал ресницами, крашенными фосфорическими смесями:

- Вы совсем меня не боитесь, да? Вы меня презираете? Зачем вы опять мучаете-то меня!

"Что это он? - удивился Данилов. - Нет у меня никакой плодотворной эндшпильной идеи, слона я отдаю ни за что".

- Не выигрывайте у меня! - взмолился Валентин Сергеевич. - Не губите, батюшка! Я ведь вернуться не смогу! Я на колени перед вами встану! Помилуйте сироту!

Данилову стало жалко Валентина Сергеевича. Он сказал: